

ТЕРТУЛЛИАНЪ.

(Опытъ литературной характеристики).

(Окончаніе).

Мы разсмотрѣли сочиненія Тертуллиана съ точки зрѣнія матеріальнаго принципа. Теперь отмѣтимъ, какія формальныя особенности сообщила имъ страстность, свойственная характеру этого писателя.

Преувеличеніе и утрировка служатъ отличительною чертою, какъ теоретическихъ, такъ и нравственныхъ воззрѣній Тертуллиана. Съ крайностями догматическихъ его воззрѣній мы уже знакомы. Когда рѣчь идетъ объ этихъ послѣднихъ, не должно упускать изъ виду, что всѣ онѣ были высказаны въ полемикѣ съ противоположными теченіями мысли. Если бы природа Тертуллиана при всѣхъ своихъ реалистическихъ наклонностяхъ была чужда страстности, то его догматическая система, хотя и носила бы реалистическую окраску, но не переступала бы предѣловъ дозволенной церковію свободы мысли и была бы чужда многихъ странностей и крайностей.

Гораздо болѣе сказалась увлекающаяся натура Тертуллиана въ ригоризмѣ его нравственныхъ воззрѣній. По своему характеру Тертуллианъ не могъ служить двумъ господамъ. Въ тотъ день, когда предъ нимъ открылись двери перкви, его душою овладѣли два чувства: безпредѣльная привязанность къ христіанству и глубокая ненависть ко всему языческому. Миръ языческой сдѣлался для него мрачнымъ порожденіемъ сатаны. Съ этихъ поръ удалиться отъ идолопоклонства во всѣхъ его видахъ сдѣлалось задачей жизни Тертуллиана. Идолопоклонство хуже всего и не имѣтъ

сяого прототипа въ природѣ, ибо „Ной принялъ въ свой ковчегъ ворона и корпюна, принялъ волка, собаку и тигра; но не принялъ идолопоклонника... все, что не принято въ ковчегъ, не должно быть въ церкви“⁸⁴⁾). Блаженные заключенные въ темницѣ: они не видятъ ложныхъ боговъ, не встрѣчаютъ ихъ изображеній, не присутствуютъ на торжественныхъ языческихъ празднествахъ, не обоняютъ ихъ жертвенныхъ куреній, не оглашаются безумными восклицаніями театра и цирка, не бываютъ свидѣтелями изступленной жестокости гладіатора и безстыдства комедіанта и т. д.⁸⁵⁾.

Христіанское общество, въ которое вступилъ Тертуллианъ, держалось такихъ-же возрѣній на язычество. Мнѣнія расходились только въ вопросѣ о томъ, гдѣ кончается христіанство и начинается язычество. „Большая часть людей полагала, что тотъ только идолопоклонникъ, кто ходитъ въ храмы для куренія еиміама, кто приноситъ тамъ жертвы и дѣлаетъ возліанія“⁸⁶⁾). Притягательной силѣ театра не могли противостоять даже христіанскія женщины⁸⁷⁾). По богатству и роскоши костюмовъ христіанки не уступали язычницамъ⁸⁸⁾). Ремесленники изъ христіанъ занимались фабрикаціей идоловъ⁸⁹⁾ и строили ниши для языческихъ храмовъ⁹⁰⁾, торговцы продавали куренія, употреблявшіеся язычниками⁹¹⁾ и пр. И такіе люди избирались даже въ іерархическія степени⁹²⁾). Тертуллианъ не могъ дѣлиться подобно этимъ людямъ между христіанствомъ и язычествомъ, но онъ впалъ въ противоположную крайность. Онъ объявилъ недостойнымъ для христіанина все, что имѣло хотя отдаленный намекъ на идолопоклонство и дошелъ до того, что почти въ каждомъ ремеслѣ нашелъ языческіе элементы. Онъ запретилъ даже заниматься преподаваніемъ словесности⁹³⁾). Убѣждалъ оста-

84) De idol. 23.

85) Ad martyr. 2.

86) De idol. с. 15.

87) De spect. с. 20.

88) De cult. foem. II, 1.

89) De idol. 4.

90) Ibid. 8.

91) Ibid. 11.

92) De idol. 7.

93) Ibid. 10.

вить не только продажу предметовъ языческаго культа, но и всякую вообще торговлю, потому что „побужденіемъ къ торговлѣ служить сребролюбіе и страсть къ наживѣ, средствомъ-же ложь и клятвенпреступленіе“⁹⁴⁾. Большинство христіанъ не хотѣло видѣть язычества тамъ, гдѣ оно было очевидно, било, такъ сказать, въ глаза, за то Тертуліанъ часто только при помощи археологіи или натянутого толкованія могъ поставить извѣстный обычай въ связь съ идолопоклонствомъ. Во время праздниковъ въ честь кесаря язычники, а вслѣдъ за ними и христіане украшали свои дома иллуминаціей и свѣтами. Тертуліанъ дѣлаетъ историческую справку и находитъ, что возникновеніе этого обычая стоитъ въ связи съ древнимъ вѣрованіемъ Римлянъ въ боговъ дверей, пороговъ, косяковъ, вѣрованіемъ, уже угасшимъ къ этому времени, такъ что о немъ можно знать только изъ книгъ (*De idol.* 15). Такимъ образомъ и этотъ обычай онъ сводитъ къ идолопоклонству. Суетная и пустая христіанка употребляетъ духи и шафранъ для своей прически. Тертуліанъ объявляетъ ея голову жертвенникомъ, а духи и шафранъ—жертвою нечистому духу⁹⁵⁾.

Ригоризмъ Тертуліана проявлялся не только въ требовательности иногда излишней, но и въ отсутствіи снисходительности къ слабости другихъ и игнорированіи смягчающихъ обстоятельствъ. Его требованія одинаково строги и суровы и къ простому, свободному и независимому христіанину, которому сравнительно легко было избѣжать соприкосновенія съ язычествомъ, и къ государственному чиновнику, воину и даже рабу⁹⁶⁾, душа и тѣло котораго принадлежали по закону господину. Всѣ христіане вступили въ воинство Христово и всѣ должны быть готовы на страданія и смерть⁹⁷⁾. Еще до перехода своего въ монтанизмъ Тертуліанъ неодобрительно отзывался о второмъ бракѣ, склоняется къ мнѣнію о неотряемости покаянія и стоитъ за прекрещиваніе еретиковъ. Правда на двухъ первыхъ мнѣніяхъ онъ не настаиваетъ, не желая идти противъ цер-

⁹⁴⁾ Ibid. 11.

⁹⁵⁾ De cult. foem. II, 6.

⁹⁶⁾ De idol. 17.

⁹⁷⁾ Ad martyr. 2.

ковнаго авторитета, но уже теперь видно, что общепринятые церковные порядки ему кажутся не достаточно строгими. Онъ стремится къ полному осуществленію своихъ идеаловъ. Вотъ въ это-то время онъ сталкивается съ монтаннизмомъ...

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Тертуллианъ высказалъ знаменательныя слова: „въ поведеніи или произведеніи любого лжеучителя до его отпаденія отъ церкви всегда можно усмотрѣть зародышъ его будущаго отпаденія. Иѣкоторые умственные и нравственные предрасположенія приводятъ его наконецъ къ печальному концу“... Слова эти оправдались на самомъ авторѣ.

Все его предшествующее развитіе привело его съ логическою необходимостію къ монтаннизму. Тертуллианъ глубоко ненавидѣлъ всякую ересь, но монтаннизмъ не былъ ересью: онъ не заключалъ въ себѣ ни одного пункта, который въ смягченной степени не признавался бы церковію. Поэтому монтаннизмъ не могъ отталкивать Тертуллиана и поселить въ немъ недоувѣріе къ себѣ. Но въ монтаннизмѣ все принимало крайнюю форму и преувеличенные размѣры, и это то должно было привлечь къ нему Тертуллиана, для котораго въ пылу увлеченія казалось, что ни онъ, ни члены церкви все още недостаточно христіане. Кромѣ того Тертуллианъ былъ экзальтированъ и проникнутъ мрачнымъ воззрѣніемъ на элѣхристіанскій міръ. Онъ видѣлъ въ немъ осуществленіе апокалиптическихъ пророчествъ о временномъ торжествѣ зла при кончинѣ міра. А религіозная экзальтація, соединенная съ подобнаго рода настроеніемъ, всегда и вездѣ приводитъ къ ожиданію скорого прішествія Христа. Страсть нетерпѣливо ждетъ осуществленія идеала, къ которому съ такой тоской и жадной стремится. Она хочетъ немедленнаго торжества своихъ идей, и если мрачный взглядъ на вещи позволяетъ ей усмотрѣть въ окружающей дѣйствительности нѣсколько апокалиптическихъ признаковъ конца міра, она начинаетъ твердо вѣрить въ то, чего желаетъ со свойственнымъ ей жаромъ. Пророки монтаннистовъ проповѣдовали скорую кончину міра и приближеніе втораго прішествія Христа. Это вполне совпадало съ настроеніемъ и ожиданіями Тертуллиана и привлекало его къ монтаннизму.

Суровость и ригоризмъ Тертуллиана нашли въ монтаннизмѣ

благопріятную для себя почву и подъ ея вліяніемъ достигли своего полного развитія. Въ домонтанистическій періодъ своей жизни Тертуліанъ признавалъ первый бракъ законнымъ ⁹⁸⁾, а второй слабостію и несовершенствомъ, однако терпимымъ. Теперь онъ безусловно запрещаетъ вторые браки. Онъ идетъ еще дальше и объявляетъ первый бракъ терпимымъ прелюбодѣяніемъ ⁹⁹⁾. Ранѣе отпаденія отъ церкви Тертуліанъ открывалъ дверь покаянія, хотя и однажды, для всѣхъ вообще грѣшниковъ ¹⁰⁰⁾. Сдѣлавшись монтанистомъ, онъ допускалъ разрѣшеніе такъ называемыхъ не смертныхъ ¹⁰¹⁾ грѣховъ и былъ противъ принятія въ лоно церкви покаявшихся въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ ¹⁰²⁾. Церковь допускала бѣгство во время гоненій, Тертуліанъ запрещаетъ всякое уклоненіе отъ гоненій ¹⁰³⁾, въ какой бы формѣ оно не состояло — въ бѣгствѣ или подкупѣ языческихъ властей. Въ церкви существовали посты обязательные и добровольные, Тертуліанъ требовалъ увеличенія принятыхъ постовъ и введенія новыхъ ¹⁰⁴⁾.

Страстность Тертуліана ясно обнаруживается и во внѣшней формѣ его сочиненій: въ приѣмахъ полемики, въ характерѣ апологіи христіанства, въ манерѣ приводитъ цитаты и даже въ языкѣ. Въ полемикѣ онъ старается не столько о томъ, чтобы убѣдить своего противника, сколько принудить его согласиться съ своими воззрѣніями. Его любимымъ орудіемъ служатъ иронія и сарказмъ. Напр. въ книгѣ противъ Валентина онъ не столько опровергаетъ убѣжденія этого гностика, сколько старается осмѣять ихъ и представить въ карикатурномъ видѣ. „Многія нелѣпности, говоритъ онъ, и не заслуживаютъ иного опроверженія; всякій дѣльный отвѣтъ могъ-бы придать имъ только болѣе важности“ ¹⁰⁵⁾. Приступая къ разбору мнѣній своего противника, онъ обыкновенно прежде всего старается набросить тѣнь на его

98) Ad uxor. I. 3, 7.

99) Exhort. ad cast. 9.

100) De poenit. 7.

101) De pud. 19.

102) Ibid. 3.

103) Въ соч. de fuga in persec.

104) Въ соч. De jejuniis.

105) Adv. Valent. 6.

правственное достоинство ¹⁰⁶). Всюду приводится въ образецъ его полемическихъ пріемовъ начало первой книги противъ Маркіана. Здѣсь онъ бранитъ не только еретика, но и его родину и заканчиваетъ тираду патетическимъ восклицаніемъ: „да, о Евксий, ты породилъ чудовище, болѣе достойное философовъ, чѣмъ христіанъ!“ Маркіонъ былъ страшный еретикъ, возмутившій міръ перкви, но Тертуліанъ не былъ сдержаннѣе и по отношенію къ православнымъ. Православные постились на нѣсколько часовъ меньше монтанистовъ и не принимали учрежденнаго ими двухнедѣльнаго поста. Этого было достаточно для того, чтобы заставить Тертуліана произнести слѣдующій не красивый и полный вульгарной силы отрывокъ. „Ты сдѣлалъ, обращается онъ къ православному, изъ своего брюха — бога, изъ легкихъ—храмъ, изъ желудка—алтарь. Твой жрецъ—поварь, твой святой духъ — паръ отъ кушаній; твои духовные дары—приправы; твое пророчество—икаліе послѣ обжорства. Если говорить правду, то ты ветхій человекъ, потому что такъ много занятъ ѣдою“ ¹¹⁰). Конечно, чтобы правильно судить о Тертуліанѣ, пужно принять во вниманіе время и дурные вкусы тогдашней адвокатуры. И на страницахъ многихъ современныхъ изданій можно иногда встрѣтиться съ такими-же пріемами. Однако нужно замѣ-

¹⁰⁶) *Примѣчаніе*. Книгу противъ Маркіана онъ начинаетъ описаніемъ родины этого еретика въ чертахъ самыхъ преувеличенныхъ и невѣроятныхъ, затѣмъ переходитъ къ нему самому, „но нѣтъ ничего въ Поитѣ, продолжаетъ онъ, столь варварскаго и мрачнаго, какъ то общество, что тамъ родился Маркіонъ, человекъ болѣе угрюмый, чѣмъ какой-либо скіевъ, болѣе безпокойный, чѣмъ странствующій кибитчинъ, болѣе безчеловѣчный, чѣмъ какой-нибудь Массаетъ, болѣе безстыдный, чѣмъ амазонка, Маркіонъ, который мрачнѣе тучи, холоднѣе зимы, коварнѣе дупая, косянѣе Кавказа. Онъ болѣе невыносимъ, чѣмъ дикіе звѣри этой варварской страны. . . Да, о Евксий, ты прозвелъ чудовище болѣе достойное философовъ, чѣмъ христіанъ!“ ¹⁰⁷). Далѣе онъ называетъ Маркіона отступникомъ, безсердечнымъ и безумнымъ человекомъ ¹⁰⁸), а его поствѣдователей „безразсуднымъ и злымъ отродьемъ“ ¹⁰⁹, „собаками, лающими на истиннаго Бога“.

¹⁰⁷) Adv. Marc. I, 1.

¹⁰⁸) Ibid. II, 4.

¹⁰⁹) Ibid. II, 5.

¹¹⁰) De jejun. 3.

тить, что ни Кирианъ, ни александрійцы не впадали въ такія крайности пера.

Къ доводамъ своего противника Тертуллианъ относился съ софистической гиперкритикой особенно въ монтанистическихъ сочиненіяхъ, когда ему приходилось на основаніи *Св. Писанія* доказывать такія положенія, которые по самому существу своему не могутъ быть доказаны этимъ путемъ. Ему говорили напр., что *Св. Писаніе* не запрещаетъ носить вѣнки. Онъ отвѣчалъ, что оно и не разрѣшаетъ носить ихъ, а что ясно не позволено *Писаніемъ*, то уже запрещено ¹¹¹⁾. Чтобы судить о софистикѣ, къ которой былъ способенъ Тертуллианъ, достаточно указать на то, что онъ нашелъ возможнымъ истолковать слова Ап. Павла: „жена связана закономъ, доколѣ живеть мужъ ся; если же мужъ ея умретъ, свободна выйти за кого хочетъ только въ Господѣ“ (I Кор. VII, 39) въ смыслъ запрещенія втораго брака. Онъ утверждаетъ, что Апостоль разумѣетъ моногамію въ христіанствѣ. Жизнь христіанина начинается собственно въ христіанствѣ, поэтому тотъ, кто лишился жены до вступленія въ лоно церкви, а послѣ крещенія женился вновь, не считается второбрачнымъ. Относясь съ придирчивой критикой къ чужимъ мнѣніямъ, Тертуллианъ часто обнаруживаетъ близорукую довѣрчивость къ тому, что можетъ служить основаніемъ для его собственнхъ воззрѣній. Онъ признаетъ подлинность книги Эноха (*De cult. foem.* I, 3), утверждаетъ, что проблески истины, встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ языческихъ философовъ, заимствованы ими изъ книгъ *Св. Писанія* ¹¹²⁾, допускаетъ, что животныя имѣютъ религію и молятся Богу. „Стада скота, говоритъ онъ, и лѣсные звѣри проклоняютъ колѣна, неходя изъ свочь убѣжищъ: они поднимаютъ чело свое къ небу и привѣтствуютъ его своимъ мычаніемъ. Птицы съ наступленіемъ утра направляютъ полеть свой къ небу: вмѣсто рукъ простираютъ онѣ свои крылья въ видѣ креста, и щебечутъ пѣчто такое, что похоже на молитву ¹¹³⁾. Онъ видитъ въ I пс. ст. I: „блаженъ мужъ, иже... на пути грѣшныхъ не ста и на сѣда-

111) *De col. mil.* 2.

112) *Apol.* 47; *De test. anim.* 5.

113) *De orat.* 28.

лицѣ губителей не сѣде¹¹⁴ — запрещеніе присутствовать на зрѣлищахъ, на томъ основаніи, что путями въ амфитеатрахъ назывались проходы, террасы и ступени, отдѣляющія народъ отъ патриціевъ, съ которыхъ можно было смотрѣть дѣйствіе стон, а сѣдалищами мѣста для сенаторовъ¹¹⁵). О баснословномъ феникесѣ онъ говоритъ, какъ о дѣйствительномъ фактѣ¹¹⁶). Желаніе склонить на свою сторону противника нерѣдко заставляетъ Тертулліана противорѣчить собственнымъ утвержденіямъ. Въ своемъ трактатѣ о крещеніи съ цѣлю доказать ископное свойство воды освящать и очищать онъ утверждаетъ, что въ началѣ творенія Духъ Божій носился надъ водой¹¹⁶). А въ книгѣ противъ Гермогена, гдѣ такое истолкованіе не благопріятствуетъ его мысли, онъ объясняетъ этотъ текстъ въ томъ смыслѣ, что надъ водою носился престо „вѣтеръ или сотворенный духъ, производящій вѣтеръ“¹¹⁷). Опровергая обвиненіе христіанъ, состоящее въ томъ, будто они по предписанію своей религіи совершаютъ челоуѣкоубійство и кровосмѣшеніе, Тертулліанъ говоритъ, что никто не повѣрилъ бы въ божественность религіи, предписывающей такіе ужасы. „Скажите пожалуйста, спрашиваетъ онъ язычниковъ, согласились-ли бы вы купить безсмертіе такую цѣною? Конечно, нѣтъ. Вы не повѣрили-бы, что можно купить его такую цѣною. А если бы и повѣрили, то навѣрное не захотѣли бы его, а если бы и захотѣли, то не могли бы его достигнуть“¹¹⁸). Здѣсь совершенно ясно признается полная автономія нравственности. Если бы религія требовала поведенія, противнаго нравственности, обѣщая за это вѣчную жизнь, то слѣдовало-бы отказаться отъ вѣчной жизни ради добра, имѣющаго свою собственную внутреннюю цѣнность. Даже истинность самой религіи доказывается высотой ея нравственныхъ идеаловъ. Но это не было всегдашнимъ вѣрованіемъ Тертулліана, а лишь случайною мыслію, пригодною для достиженія намѣченной цѣли. Въ дѣйствительности, Тертулліанъ признавалъ, какъ мы видѣли, единственнымъ мо-

¹¹⁴) De spect. 3.

¹¹⁵) De resur. carn. 13.

¹¹⁶) De bapt. 4.

¹¹⁷) Adv. Herm. 22.

¹¹⁸) Apol. 8.

тивомъ правственности страхъ наказанія и надежду на награду. Въ одномъ-же мѣстѣ онъ совершенно ясно проповѣдуетъ *deseret absolu*. „Дерзко, говоритъ онъ, было-бы съ моей стороны разсуждать о благодати или справедливости божественныхъ заповѣдей: мы должны любить вещь не потому, что она хороша, а потому, что она пріятна Богу“¹¹⁹⁾.

Вслѣдствіе этого полагаться на историческія свидѣтельства Тертуліана можно лишь съ большою осторожностію. Напр. онъ говоритъ: „мы имѣемъ все общее, кромѣ женъ“¹²⁰⁾, очевидно выдавая идеалъ за фактъ. Если-бы у христіанъ его времени было общеніе имуществъ, то ему, конечно, не пришлось бы писать трактаты противъ женскихъ украшеній и одеждъ. Изысканное франтовство и роскошь едва-ли можетъ имѣть мѣсто на ряду съ общеніемъ имуществъ.

Страсть и энергія Тертуліана, въ силу которыхъ онъ старался во чтобы-то ни стало выпудить согласіе у своего противника, были причиною полноты въ развитіи каждой темы. Онъ всегда доводилъ дѣло до конца, и не оставлялъ вопроса, пока не исчерпывалъ его окончательно. Онъ приводилъ доказательства изъ Св. Писанія, спорилъ о толкованіи текста, обращался къ преданію, не оставлялъ безъ опроверженія ни одного возраженія противника, наконецъ прибѣгалъ къ доводамъ разсудка. Убѣждая женщинъ не слишкомъ заниматься своей прической, Тертуліанъ приводитъ множество основаній, которые заставляютъ его порицать этотъ обычай. Изысканный туалетъ прельщаетъ мужчинъ и служитъ причиною ихъ паденій. Нужно заботиться о томъ, чтобы больше правиться Богу, а не мужчинамъ. Слѣдуетъ довольствоваться тою наружностію, какую далъ Богъ, а не стараться измѣнять его твореніе по собственному произволу. Противно Евангелію увеличивать свой ростъ. Одѣвая парикъ, приходится пользоваться волосами умершихъ и нечестныхъ людей. Перекрашивающія свои волосы въ блѣлокүрый цвѣтъ измѣняютъ своему отчеству. Онъ видимо сожалѣетъ о томъ, что рождены не въ Германіи, или Галліи. Духи и краски на головѣ христіанки есть жертва нечистому духу. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго

119) De roen. 4.

120) Apol. 39.

употребленія косметическихъ средствъ незамѣтно теряются волосы. Самый мозгъ слабѣетъ отъ постороннихъ влагъ и безмѣрнаго солнечнаго жара, на которомъ женщиныамъ угодно налить и сушить свою голову. Въ этомъ стремленіи сказать въ пользу своего мнѣнія все, что только можетъ годиться, Тертуллианъ впадалъ иногда въ большія крайности и натяжки. Такъ напр. истощивши все доводы противъ украшенія драгоценными камнями, онъ договаривается до того, будто камни эти берутся съ головы драконовъ. (De cult. foem. 6). Или напр. потративъ все доказательства, основывающіяся на Св. Писаніи и преданіи, въ пользу того, что не должно носить на головѣ вѣнокъ, онъ находитъ, что обычай этотъ противенъ природѣ. Цвѣты созданы для того, чтобы любоваться ими и обонять ихъ аромат. Но то и другое невозможно, если положить ихъ себѣ на голову¹²¹⁾.

Для этой-же цѣли Тертуллианъ охотно употребляетъ *argumenta ad homines*. Чтобы убѣдить читателя, что вода служить вообще средствомъ сообщенія міра духовнаго и физическаго онъ ссылается на общераспространенное въ народѣ мнѣніе, что нечистые духи посягаютъ надъ водами, (конечно въ подражаніе Духу Божию!), на рассказы о тѣнистыхъ источникахъ, о мрачныхъ ручьяхъ, о кунеляхъ и баяхъ, о чанахъ въ домахъ, о заколдованныхъ колодцахъ и водоемахъ, которые глотаютъ и душатъ людей силою злаго духа¹²²⁾.

Во всѣхъ этихъ приемахъ такъ и просвѣчиваетъ публичный дѣятель, человѣкъ партіи и страстнаго увлеченія. Кабинетный учоный не станетъ загромождать свой трактатъ множествомъ разнохарактерныхъ доказательствъ и употреблять *argumentum ad hominem*. Онъ пишетъ свое сочиненіе для аристократическаго кружка ученыхъ и образованныхъ людей, о которыхъ знаетъ, что они поймутъ дѣйствительное основаніе его мысли и качественную цѣнность доказательства всегда предпочтутъ скопленію аргументовъ, имѣющихъ лишь относительное значеніе. Сверхъ того, для истиннаго ученаго, какъ сказалъ, если не ошибаюсь, Климентъ Александрійскій, всегда бываетъ достаточно одного слуша-

¹²¹⁾ De coron. mil. 5.

¹²²⁾ De bapt. 5.

теля. Онъ желаетъ единственно того, чтобы его поняли и самое уваженіе къ истинѣ не позволяетъ ему желать, чтобы его мнѣніе было непременно принято, хотя бы общее согласіе было куплено цѣною софизмовъ. Другое дѣло адвокатъ, депутатъ въ парламентѣ, или фанатикъ идеи. Для него важно пріобрѣсти какъ можно больше сторонниковъ, чтобы образовать большинство. Поэтому онъ сыплетъ самыя разнохарактерныя доказательства, старается войти въ кругъ идей своихъ слушателей и говорить языкомъ, понятнымъ для нихъ, въ той, быть можетъ, ясно и не сознаваемой надеждѣ, что на одного будетъ дѣйствовать одинъ аргументъ, а на другаго другой.

Чрезвычайно характеристична для Тертуллиана также его манера приводить цитаты. Въ его сочиненіяхъ трудно встрѣтить буквальные выдержки изъ тѣхъ авторовъ, которыми онъ пользовался. Обыкновенно онъ приводитъ цитату или въ чрезвычайно сокращенной формѣ или-же передаетъ только ея мысль. Исключеніемъ въ этомъ случаѣ не пользуются даже тексты Св. Писанія. Часто онъ дѣлаетъ одни только намеки, которые могутъ быть понятны лишь чрезъ сопоставленіе съ параллельными мѣстами изъ сочиненій тѣхъ авторовъ, которыми онъ пользовался. Иногда онъ опускаетъ собственныя имена, а приводитъ лишь связанные съ ними факты ¹²³⁾). Наконецъ, развивая извѣстное положеніе, онъ не пользуется однимъ какимъ нибудь источникомъ, особенно пригоднымъ для него, но для доказательства одной и той-же мысли ссылается на самыхъ разнородныхъ писателей. Напр. въ VI гл. Апологетика встрѣчаются цитаты изъ Плинія Старшаго, Авла Геллія, Тита Ливія; въ XI главѣ—изъ Платона, Плинія Старшаго, Саллюстія и Тита Ливія. Подъ рядъ онъ обыкновенно не цитуетъ одного и того-же автора ¹²⁴⁾).

Всѣ эти особенности несомнѣнно доказываютъ, что Тертуллианъ писалъ свои сочиненія не съ открытыми источниками и не подыскивалъ каждый разъ въ нихъ факты ad hoc, а цитовалъ по памяти. Да иначе при данномъ харак-

123) Apol. 6 и 22.

124) Щегловъ. Апологетикъ Тертуллиана. Труды К. Д. Академіи 1888. I, 431—435.

терѣ не могло и быть. Писатель, который отъ природы не способенъ увлекаться и глубоко чувствовать, или авторъ, работающій на тему, не имѣющую для него захватывающаго интереса, обыкновенно „сочиняютъ“ и „составляютъ“ свои труды, вымучивая каждую строку. Мысль движется вяло и съ трудомъ находитъ форму для всего выраженія. Автору приходится по необходимости прибѣгать къ источникамъ, и съ удовольствіемъ переводить духъ, когда представляется возможность списать откуда нибудь буквальную выдержку. Дѣло доходило до того въ тѣ отдаленныя времена, когда вообще меньше писали и меньше заботились развить съ дѣтства способность владѣть перомъ, что авторъ часто списывалъ самъ у себя. Наоборотъ, когда, какъ Тертуллиана, страсть охватываетъ человѣка, мысли его текутъ съ необыкновенною ясностію, всѣ ассоціаціи оживляются, въ умѣ мелькаютъ сближенія, которыя едва-ли пришли-бы въ голову въ спокойномъ состояніи, мысль сама облекается въ формы, рука едва успѣваетъ заносить на бумагу ея теченіе. При такихъ условіяхъ рыться въ книгахъ значитъ охлаждать порывъ. Къ тому-же память сама собою прекрасно воспроизводитъ прочтенное и дѣлаетъ излишними справки.

Чтобы еще яснѣе видѣть, какъ энергія и сила характера Тертуллиана отражалась на внѣшнихъ свойствахъ его сочиненій, слѣдуетъ сравнить его апологетическія сочиненія съ апологіями греческихъ авторовъ. Греческіе апологеты просили у язычниковъ снисхожденія къ христіанству и пощады. Тертуллианъ требовалъ вѣротерпимости во имя справедливости. Онъ обращается съ апологіей къ язычникамъ не потому, что боится гоненій, а для того, чтобы спасти ихъ отъ грѣха. „Мы, говоримъ онъ, не знаемъ, что значить блѣднѣть и трепетать предъ тѣми бѣдствіями, которыя мы претерпѣваемъ отъ незнающихъ насъ. Въ тотъ день, какъ мы вступили въ церковь, наша жизнь стала битвой, при чемъ у насъ нѣтъ иного желанія кромѣ желанія благъ, обѣщанныхъ намъ Богомъ; у насъ нѣтъ иного страха, кромѣ страха наказаній въ будущей жизни. Мы непоколебимо боремся съ вашимъ варварствомъ. Нѣтъ, что я говорю! мы спѣшимъ ему на встрѣчу, радуясь больше своему осужденію, чѣмъ оправданію“¹²⁵⁾. „Всѣ ваши утонченныя

¹²⁵⁾ Ad Scap. 1.

жестокости не служатъ ни къ чему: онѣ еще больше при-
вязываютъ насъ къ нашей религіи. Мы умножаемся по мѣрѣ
того, какъ вы насъ пожинаете: кровь наша служитъ сѣ-
менемъ для христіанъ“ ¹²⁶⁾.

Восточные апологеты защищали христіанство отъ язы-
чества. И Тертуліанъ называетъ свою апологію защитою
христіанъ противъ язычниковъ, но на самомъ дѣлѣ его апо-
логія есть нападеніе на язычество и язвительная критика
его вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ. Показавъ несостоя-
тельность извѣстнаго обвиненія, взводимаго на христіанъ,
онъ тотчасъ-же начинаетъ доказывать, что въ этомъ ви-
новны язычники, а не христіане. Апологетическія сочиненія
Тертуліана написаны на тему: „сначала выньте бревно
изъ своего глаза, а потомъ уже беритесь за то, чтобы вы-
нуть соломинку изъ глаза сосѣда. Исправьте свои нравы
прежде чѣмъ свирѣпствовать противъ нравовъ христіанъ.
Узнайте, наконецъ, самихъ себя и вы сдѣлаетесь строже
къ себѣ“ ¹²⁷⁾?

Даже языкъ и стиль сочиненій Тертуліана служатъ отра-
женіемъ его пламеннаго характера. Тертуліанъ не заботится
о внѣшней формѣ своихъ трудовъ, объ изяществѣ и чистотѣ
языка, а о силѣ и выразительности фразы. Если въ ла-
тинскомъ языкѣ не доставало слова для выраженія извѣ-
стнаго понятія, онъ бралъ его цѣликомъ изъ греческаго
языка, чтобы описательнымъ выраженіемъ не удлиннить и
не ослаблять предложенія, напр. мы встрѣтимъ у него слова:
τοῦς, βύθους, αἰγί, αἶων, ἀρχή, и др. Онъ употреблялъ слова не
въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употреблялись раньше напр.
misericordia въ смыслѣ добродѣтели, тогда какъ Сенека
пользовался этимъ словомъ для выраженія порока. Онъ изо-
брѣталъ неологизмы напр. *trinitas=tria unitas, angelificari,*
virginari, duricordia, multivogantia и др. — и не чуждался даже
африканскихъ провинціализмовъ ¹²⁸⁾. Специальныя изслѣдова-
нія о языкѣ Тертуліана утверждаютъ, что у него встрѣчается
намѣренная неправильность языка и тривіальныя выраженія,
допущенныя съ цѣлю импонировать на слушателей.

¹²⁶⁾ Apol. 50; Ad Scap. 5.

¹²⁷⁾ Ad nation. I, 19.

¹²⁸⁾ Щенерновъ. Тертуліанъ, пресвитеръ Карфагенскій стр. 5.

Мы видѣли, что реалистическія наклонности и страстность Тертулліана были причиною различнаго рода крайностей, преувеличеній, отклоненій отъ церковной доктрины и логическихъ промаховъ, замѣчаемыхъ въ его сочиненіяхъ. Но мы отмѣчали также и тѣ свѣтлыя стороны, которыми Тертулліанъ обязанъ тѣмъ-же чертамъ своего характера, — именно ненависть къ ереси, нравственную строгость, здравые методы толкованія Писанія, ясное пониманіе общественныхъ отношеній и причинъ гоненія на христіанъ. Въ дополненіе къ этому послѣднему пункту сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. Сочиненія Тертулліана пользовались громадною популярностію на западѣ. Кипріанъ стоитъ въ литературной зависимости отъ Тертулліана и называетъ его не иначе, какъ своимъ учителемъ, точно также, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей Минуцій Феликсъ, Евсевій, Лактанцій, Иларій, бл. Иеронимъ и бл. Августинъ отзываются о немъ съ большою похвалою. По свидѣтельству бл. Иеронима, въ его время очень интересовались трудами Тертулліана и приобрѣтали „кодексъ“ его счиненій¹²⁹⁾. Такая популярность вполне понятна. Полная преданность православію и страшная ненависть къ его врагамъ: язычникамъ, іудеямъ и еретикамъ, вовлекли Тертулліана въ догматическіе споры того времени, заставили его высказаться вполне и создать для Запада почти полную догматическую систему. Онъ ясно формулировалъ догматъ о Тройцѣ, о лицѣ І. Христа, о Его Божествѣ и челоуѣчествѣ, объискупленіи и его значеніи, о воскресеніи мертвыхъ, и пр. Сочиненія его оказывали громадное вліяніе на умы. Это видно изъ того, что Праксей, прочитавши трактатъ Тертулліана противъ своего ученія, торжественно отрекся отъ него, а его ученіе было подорвано въ самомъ своемъ основаніи и потеряло всякіе шансы на успѣхъ¹³⁰⁾. Этотъ успѣхъ стоитъ въ зависимости также отъ свойствъ характера Тертулліана. Если справедливо наблюденіе Ларошфуко, что *les passions sont les seules orateurs qui persuadeut toujours..... et l'homme le plus simple qui a de la passion persuade mieux, qui le plus eloquent qui n'en a point.....* то сочиненія Тертулліана должны

¹²⁹⁾ Штерновъ. Тамъ-же стр. 9—10.

¹³⁰⁾ Du-Pin Nouvelle Bibliotheque des auteurs ecclesiastiques. T. I, p. 98.

быть убѣдительны, потому что все въ нихъ дышетъ страстію и увлеченіемъ. Обиліе аргументовъ, которое мы уже отмѣтили въ качествѣ производной черты сочиненій Тертуліана, также имѣло не маловажное значеніе. Наконецъ, реализмъ Тертуліана, его практической смыслъ и здравые методы толкованія Св. Писанія были лучшимъ антидотомъ противъ мечтательныхъ гностическихъ системъ, для опроверженія которыхъ необходимо было указать всю произвольность ихъ построеній и отсутствіе данныхъ въ пользу ихъ въ Св. Писаніи. Его нравственный ригоризмъ былъ здоровымъ средствомъ противъ начинающагося упадка христіанскихъ нравовъ и пониженія идеаловъ апостольскаго вѣка. Его смѣлое отношеніе къ латинскому языку обогатило его словами, необходимыми для выраженія христіанскихъ понятій, и положило начало образованію латинскаго богословскаго языка.

И. Ценовъ
